

Иоганн Вольфганг Гёте
РЕЙНЕКЕ-ЛИС

Л

Наша марка (Детская литература)

Иоганн Вольфганг Гёте
Рейнеке-лис

Издательство «Детская литература»

1794

УДК 821.112.2-3
ББК 84(4Гем)-4

Гёте И.

Рейнеке-лис / И. Гёте — Издательство «Детская литература»,
1794 — (Наша марка (Детская литература))

ISBN 978-5-08-005448-8

Прозаический пересказ поэмы И. В. Гёте о хитроумном Рейнеке-лисе, который благодаря таланту убеждать окружающих в правдивости выдуманных им историй выпутывается из разных неприятных ситуаций и одерживает верх над своими противниками. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.112.2-3
ББК 84(4Гем)-4

ISBN 978-5-08-005448-8

© Гёте И., 1794
© Издательство «Детская
литература», 1794

Содержание

Рейнеке-лис	6
Песнь первая	7
Песнь вторая	13
Песнь третья	19
Песнь четвертая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Иоганн Вольфганг Гёте

Рейнеке-лис

© Пеньковский Л. М., пересказ, 1972

© Оформление. АО «Издательство „Детская литература“», 2017

* * *

Дорогие юные читатели!

Я думаю, что кое-кто из вас знает, что свое прославленное произведение «Рейнеке-лис», созданное в 1794 году, великий немецкий поэт написал не прозой, а стихами.

Поэма эта переводилась и на русский язык. Последний русский стихотворный перевод также принадлежит мне.

Почему же я переработал свой стихотворный перевод и предлагаю вам, школьникам среднего возраста, прозаический пересказ поэмы Гёте?

Дело вот в чем. Поэма написана стихотворным размером – гекзаметром, тем самым, каким написаны «Илиада» и «Одиссея» Гомера и другие произведения древних. Писали гекзаметром и русские поэты-классики.

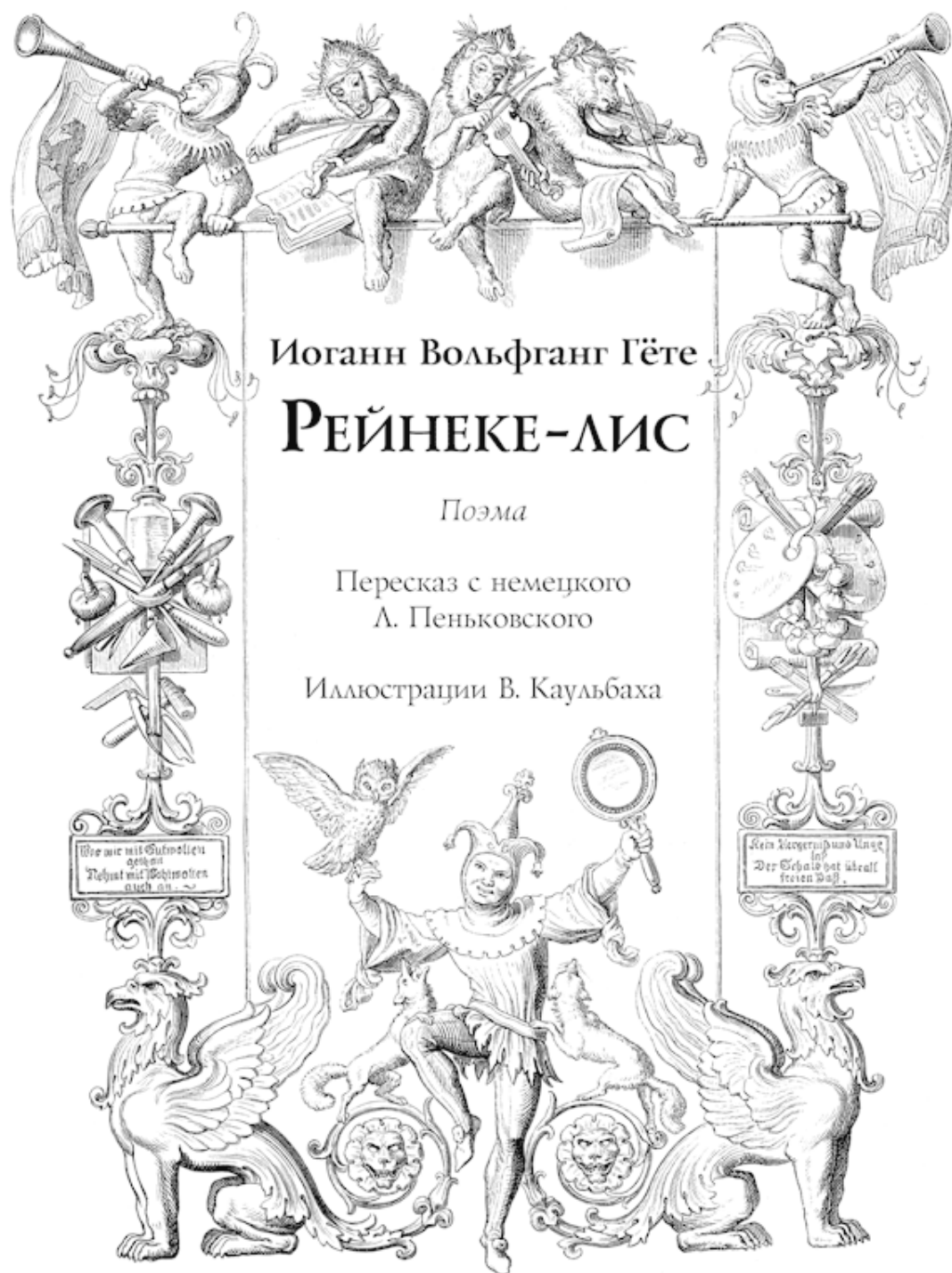
Современные поэты редко пользуются этим размером, а наша школьная молодежь, кроме тех, кто специально интересуется поэзией, гекзаметрические тексты читает с некоторым затруднением. Затруднение это вызывается тем, что строка гексаметра, состоящая в основе своей из шести равномерных отрезков (стоп), по три слога в каждой стопе и с ударением на первом из трех слогов, очень часто усекается, теряет один или несколько слогов, и это как бы нарушает плавное течение стиха.

Так вот: чтобы не затруднить большинству из вас, дорогие юные читатели, первое знакомство с великим произведением Гёте, которое не только увлечет вас своим содержанием и доставит вам немало веселых минут своим блестящим остроумием, но и послужит художественной иллюстрацией при изучении вами на уроках истории европейского феодализма, я и решил пересказать вам «Рейнеке-лиса» прозой.

Все же я надеюсь, что со временем многие из вас захотят пополнить свои впечатления и заинтересуются полным стихотворным переводом гениальной сатирической поэмы великого Гёте. А те, кто, повзрослев, будет достаточно хорошо знать немецкий язык, может быть, обратятся и к самому немецкому оригиналу поэмы.

Лев Пеньковский

Рейнеке-лис

Песнь первая

Был чудесный весенний праздник – Троицын день¹. В зеленые одежды нарядился лес, мягким нежно-зеленым ковром покрылись поля. На горах и холмах, на деревьях, в кустах и на оградах садов снова запели звонкоголосые птицы. Долины и луга запестрели и сладко запахло цветами. Разукрасилась земля, празднично сияло небо.

Король зверей и птиц, лев по имени Нобель, собирался задать в своем дворце веселый пир. Ко всем знатым четвероногим и крылатым вельможам королевства были разосланы гонцы с приглашением. Отказаться никто не имел права.

Постепенно все собрались. Не хватало только Рейнеке-лиса. Слишком уж много преступлений совершил этот плут, чтобы рискнуть показаться на глаза тем, кого он обидел. А не пострадал от него один только барсук Гримбарт, да и тот доводился лису племянником.

Трудно было сосчитать все жалобы, которые поступали на лиса. Вот и теперь, едва только гости собрались, как вперед вышел волк Изегрим в окружении своих родных и друзей.

– Милостивейший наш государь! – начал он свою речь. – Всем известно, какой вы великий и мудрый правитель, всем известны ваши доброта и справедливость. Примите же мою жалобу на Рейнеке-лиса, от которого я натерпелся слишком много горя и позора. Он не раз гнусно оскорблял мою жену, он искалечил моих бедных детей, трое из которых ослепли. Я мог бы рассказывать о его преступлениях целую неделю и то не пересказал бы всего. Мое терпение иссякло, государь, и я должен ему отомстить во что бы то ни стало!

Потом песик Пустолайчик стал было рассказывать по-французски, как Рейнеке похитил у него зимой последний кусочек колбасы. Но тут, злобно шипя, вскочил со своего места раздраженный кот Гинце.

– О великий наш государь! – вкрадчиво промывал он. – Поверьте, что никто во всем этом почтенном собрании не пострадал от Рейнеке так, как вы сами. Лис подрывает ваш авторитет – многие боятся его теперь больше, чем вас, своего короля. А собачья жалоба – глупость, и Пустолайчику следовало бы помалкивать. Ведь колбаса, о которой он тут рассказывает, была не его, а моя! А дело было так. Отправился я однажды ночью на охоту. Иду – на дороге мельница. Я вошел. Хозяйка спала. Я увидел колбасу и унес ее...

Грозное рычание леопарда заглушило последние его слова:

¹ Троицын день – день Святой Троицы. В Средние века в дни крупных религиозных праздников проводились собрания феодалов, где решались государственные дела, а также происходили судебные заседания.

– Довольно болтать! Всем известно, что Рейнеке вор и разбойник, способный на любое преступление. Всем известно, что лакомый кусок для него дороже чести всего дворянства. Не далее чем вчера он прикинулся вдруг кротким, богобоязненным пастырем и вздумал учить нашего скромного и безобидного зайца Лямпе молитвенному пению. Сели они друг против друга и стали петь псалмы. Но не о молитвах думал Рейнеке. Я как раз проходил мимо, когда он внезапно схватил зайца за горло и тем самым, мой государь, нарушил ваш строгий указ о мире между зверями. Конечно, он задушил бы Лямпе, если б не я. Посмотрите на бедного зайца! Взгляните на его раны!

– Горе тем, кто еще верит Рейнеке! – снова вмешался волк Изегрим. – Если негодяй и на сей раз останется безнаказанным, он их всех надует при первом же случае...

– Уважаемый Изегрим! – оборвал волка барсук Гримбарт, который, позабыв всякий стыд, взялся защищать своего мошенника дядю. – Как же хитро и искусно клеветеете вы на Рейнеке!

А между тем разве это не вы заключили в свое время с лисом союз? Разве не вы клялись ему в вечной дружбе? И наконец, разве не вы причинили ему потом столько зла?

Вспомните хотя бы, как однажды вы и Рейнеке повстречали на дороге крестьянина с полным возом рыбы и вы уговорили моего дядю-лиса лечь посреди дороги и прикинуться мертвым. Рейнеке согласился, хотя и рисковал при этом жизнью. Крестьянин уже замахнулся на него топором, и стоило дяде хотя бы вздрогнуть, тут бы ему и конец! Но тот решил, что дядя Рейнеке действительно мертв. Он бросил его на кучу рыбы и, размечтавшись о том, какой роскошный воротник на шубу получит его жена, поехал дальше. Тем временем Рейнеке потихоньку пошвырял всю рыбу на дорогу. И что же? Когда он наконец спрыгнул с воза, чтобы полакомиться рыбкой, оказалось, что вы, Изегрим, сами уплели всё, оставив своему другу только рыбы кости.

В другой раз вы и Рейнеке решили похитить у одного крестьянина свежую свиную тушу. Дядя влез в окно кладовой и выбросил тушу вам, но тут на него напали собаки и жестоко его потрепали. Когда же он, весь израненный, пришел к вам за своею долей, вы, Изегрим, не моргнув глазом заявили, что оставили для него самый лучший кусок сала, и с этими словами дали лису палку, на которой раньше висела свинина. И таких ваших проделок я мог бы назвать хоть целую сотню.

Теперь, мой великий и благородный государь, позвольте мне сказать несколько слов о случае с зайцем Лямпе. Это правда, Рейнеке задал ему трепку, но ведь за то, что заяц плохо выучил слова молитвы! Так неужели учитель не вправе наказывать своих учеников за лень и невниманье? Кто может осудить его за такой поступок?

О колбасе, о которой скулил здесь песик Пустолайчик, лучше вообще не упоминать. Ведь, как вы сами изволили слышать, мой государь, колбаса эта была краденая, и мой дядя имел полное право наказать вора и отнять у него незаконно присвоенное. Мне кажется, следовало бы даже наградить за это Рейнеке. Увы, мой дядя видит так мало благодарности за свою неустанную борьбу с преступлениями! Что же касается вашего указа о мире, то никто не блюдет его строже, чем Рейнеке. С того дня, как указ был издан, он не берет больше в рот мяса и питается только растительной пищей. Мало того, он решил стать благочестивым отшельником, сменил роскошные одежды на грубую власяницу² и, отказавшись от своего замка Малепартус, строит себе скромную монашескую келью. А как он побледнел, как исхудал! Будь он сам здесь, он бы лучше, чем я, сумел посрамить своих врагов и опровергнуть их клевету!..

Барсук Гримбарт умолк. И тут во двор королевского замка с мрачным видом торжественно вступил петух Геннинг. Справа и слева от него выступали старшие его сыновья, красавцы богатыри Кукарек и Звонкопев. Следом за ними два их младших брата несли носилки, на которых лежала их обезглавленная сестра, курочка Скребаножка, – последняя жертва злодея Рейнеке.

² Власяница – грубая волосаяная одежда, которую носили на голом теле монахи-отшельники в знак смирения.

– Милостивый король! – с глубоким вздохом сказал Геннинг, подойдя ко льву Нобелю. – Умоляю о сострадании мне и моим детям в нашем тяжелом горе! Этой весной, когда все зазеленело и зацвели первые цветы, и я был счастливейшим отцом большого семейства. Десять сыновей и четырнадцать дочерей воспитала моя жена за одно только прошлое лето. Все дети были крепкие, здоровые и с малолетства умели сами находить себе корм. Мы живем при богатом монастырском дворе, где нас охраняют шесть больших собак. Но не по душе пришлась Рейнеке-лису наша мирная и счастливая жизнь! Часто шнырял он ночами под стенами монастыря и пытался пробраться в ворота. Зачуяв его, собаки поднимали тревогу, но он каждый раз удирал. Только раз они изрядно покусали его, но он унес ноги и оставил нас в покое ненадолго.

А недавно появляется вдруг в монастыре в одежде святого отшельника и приносит ваш королевский указ. Я читаю его и узнаю, что вы провозгласили навеки мир между всеми животными и птицами. А Рейнеке-лис уверил меня, что отныне он стал смиренным отшельником, и поклялся искупить все свои грехи, в которых теперь чистосердечно признается. «Пусть, – сказал он, – меня никто больше не боится. Я никогда больше не буду питаться ничьим мясом, а значит, ни на кого не буду нападать».

Он дал мне пощупать свою монашескую рясу и грубую власяницу под ней и дружелюбно сказал:

«Да хранит вас Бог! Будьте здоровы!»

С этими словами он ушел, читая молитву, хотя уже тогда таил в душе свой злодейский замысел.

Вне себя от радости я поспешил к своей семье и сообщил ей о вашем королевском указе. Ах, как счастливы были моя жена и мои дети! «Если Рейнеке стал монахом, – думали мы все, – нам некого больше опасаться».

И тогда я впервые решился выйти с детьми погулять за монастырскую ограду. Только мы вышли – из-за кустов как выскочил лис и схватил лучшего из моих сыновей! С этого дня нам не стало житья. Ни охотники, ни собаки не могли уберечь нас от злодея! Из двадцати четырех моих детей не осталось в живых никого – он, проклятый, зарезал! Не далее как вчера разбойник погубил последнюю мою дочь! Собаки спасли только ее обезглавленный труп. Вот он здесь, перед вами. Пожалейте же нас, государь, заступитесь!

Грозно нахмурился король, подозвал барсука Гримбарта, который так ревностно защищал Рейнеке-лиса, и сказал:

– Вот, оказывается, как постится и искупает свои грехи ваш скромный дядюшка! Что ж, скоро придется ему действительно покаяться. Мы созовем совет и решим, как нам покарать этого неисправимого мерзавца.

Король приказал отслужить панихиду по убиенной курочке и возложил на ее могилу красивую мраморную плиту с такой надписью:

ЗДЕСЬ ПОГРЕБЕНА СКРЕБОНОЖКА,
ДОЧЬ МНОГОУВАЖАЕМОГО ПЕТУХА ГЕННИНГА.
ОНА НЕСЛАСЬ ЛУЧШЕ ВСЕХ И ЗАМЕЧАТЕЛЬНО СКРЕБЛА
ЗЕМЛЮ.
ЕЕ ПОГУБИЛ РЕЙНЕКЕ-ЛИС.
ПУСТЬ ЗНАЕТ ВСЬ МИР, КАКОЙ ЭТО КОВАРНЫЙ ЗЛОДЕЙ!

Вскоре король созвал своих умнейших придворных советников. Было решено послать к дерзкому преступнику гонца, дабы он привел его на королевский суд. Выбор пал на медведя Брауна.

– Будьте с этим негодяем осторожны! – наставлял его король. – Рейнеке зол и коварен. Он пойдет на любые плутни: будет льстить, обманывать, изворачиваться, как только он умеет...

– Э, нет, дудки! – зарычал медведь. – Будьте спокойны, государь! Пусть этот негодяй только попробует меня одурачить! Клянусь вам, я так с ним разделаюсь, что он своих не узнает!

И Браун с решительным видом отправился в путь.

Песнь вторая

Долго шел медведь Браун, пока позади осталась огромная песчаная пустыня и он добрался наконец до гор, где обычно охотился хитрый лис. Много укрепленных замков понастроил Рейнеке в этих местах, но самым большим, надежным и неприступным из них был Малепартус. Подойдя к его крепко запертым воротам, Браун потоптался немного на месте, а потом рывкнул во всю медвежью глотку:

– Дома ли вы, кум Рейнеке? Это я, медведь Браун! Меня к вам прислал сам король. Он поклялся, что вы явитесь на его королевский суд, и я должен вас туда привести. Идемте скорей! В противном случае вы поплатитесь жизнью. За неявку в суд грозит виселица. А уж суд разберет, виновны ли вы или нет! Поторопитесь!

Рейнеке все это отлично слышал. Он лежал и прикидывал в уме, как бы ему отомстить косолапому грубияну за такое нахальство.

Замок Рейнеке был выстроен очень хитроумно: много было в нем нор, подземелий, переходов, узких лазеек и темных тупичков, много потайных дверей. Лис мог при первой же опасности спрятаться здесь так, что никому бы его не найти. К тому же разные глупые зверюшки часто попадались разбойнику в этих подземельях.

Убедившись в том, что медведь пришел один, Рейнеке вышел ему навстречу и воскликнул:

– Дорогой мой дядюшка Браун! Здравствуйте! Простите, что заставил вас ждать, но я как раз читал вечернюю молитву. Большое спасибо, что вы пришли! Удивляюсь только, как это король не пожалел вас и послал в такой трудный путь! Боже, как же вы вспотели и как задыхаетесь! Впрочем, я очень рад, что пришли именно вы. Надеюсь, вы поможете мне при дворе, где меня так зло оклеветали. Я и сам собирался отправиться завтра к королю, хотя мне

и нездоровится. Я вчера слишком много съел кое-чего, и у меня начались страшные рези в желудке...

– Ох, друг мой, – перебил его медведь, – а что именно вы вчера съели?

– Да какая вам разница? – ответил хитрый лис. – Я ведь бедняк, питаюсь тем, что есть. А за неимением лучшего приходится есть даже такую дрянь, как мед. Правда, этого добра здесь сколько угодно, но я ем его лишь в крайнем случае. От него ужасно пучит живот. Страшная гадость!

– Боже мой, что я слышу! – вскричал обиженно Браун. – Как! Вы ругаете мед, о котором другие мечтают?! Ведь это же самая вкусная вещь на свете! Мед! Я его так люблю! Достаньте мне меду, и вы не пожалеете. Я вам тоже смогу пригодиться!

– Вы не шутите? – спросил рыжий плут.

– Что вы! Ей-богу! – поклялся медведь.

– Ну, если так, – сказал Рейнеке, – то этим я могу вам угрожать. Неподалеку отсюда есть деревня, в которой живет плотник Рюстефиль. Меду у него столько, сколько ни вы, ни все ваше медвежье племя не видывали за всю свою жизнь.

У Брауна даже слюнки потекли – так захотелось ему меда.

– Дружище! – рявкнул он. – Отведите меня туда, и я буду навеки вам признателен! Если бы вы знали, как мне хочется меду!

– Что ж, идемте, – предложил ему Рейнеке. – Хотя я и не совсем здоров, я все же провожу вас туда. Только помните – услуга за услугу. За это вы поможете мне опровергнуть жалобы моих врагов при королевском дворе. А медом я накормлю вас до отвала.

Рейнеке пошел вперед. Браун в полном восторге шел за ним. «Ну и наемся же я меду!» – мечтал он. А мошенник лис представлял себе, как крестьянские дубинки вскоре будут молотить косолапого дурня.

Наступил вечер, и Рейнеке знал, что плотник в это время уже находился в постели. Во дворе у Рюстефиля лежал толстый дубовый чурбан, расклиненный с одной стороны двумя здоровенными кольями, так что в чурбане образовалась широкая длинная трещина.

– Кум Браун, – шепнул коварный лис, – видите этот чурбан? В нем столько меду, что вам и не снилось! Засуньте морду поглубже в трещину – и ешьте на здоровье. Только не жадничайте, а то вас может стошнить.

– Что ж я, по-вашему, обжора? – обиделся медведь и засунул в щель не только морду по самые уши, но и передние лапы.

Рейнеке, который только и ждал этого, не зевал: он быстро выдернул клинья, и щель сразу сжалась, защемив морду и лапы Брауна. Огромная колода превратилась в капкан.

Браун был очень силен, не считался он и трусом, но тут ему пришлось хлебнуть горя. Он рычал и ревел, бешено рыл землю задними лапами, однако вырваться не мог. От шума проснулся плотник и, схватив топор, выскочил из дому.

Медведь в ужасе заметался. «Видно, мне пришел конец!» – подумал он. Рейнеке был того же мнения. Завидев издали плотника, он стал издеваться над несчастным медведем:

– Как дела, кум Браун? Не налегайте так на мед. Плотник Рюстефиль угостит вас сейчас кое-чем повкуснее. Кушайте на здоровье!

С этими словами лис убежал к себе в Малепартус. Тут плотник заметил медведя и кинулся в трактир, где пили пиво его односельчане.

– Скорей! За мной! – звал он. – У меня во дворе попался дурень медведь!

Крестьяне вскочили со своих мест и побежали за плотником, хватая на бегу все, что попадалось под руку: кто вилы, кто топор, кто мотыгу, а кто и просто колья. Бежал поп, за ним церковный служка с большим церковным подсвечником, и фрау Ютта, кухарка попа, волочила за собой прялку: ей тоже хотелось намылить шею несчастному Брауну.

Услышав весь этот переполох, Браун рванулся изо всех сил и вырвал наконец из колоды голову и при этом ободрал ее по самые уши. Потом он вырвал и лапы, но оставил в щели кожу и когти. От страшной боли Браун совсем обезумел. Ах, это совсем не пахло медом, который обещал ему Рейнеке! Передние лапы медведя были так изранены, что он не мог держаться на ногах, не то чтобы бежать.

А тут уже на него навалилась целая толпа. Все хотели погубили медведя, все избивали его – кто колом, кто лопатой. Даже священник лупил его длинной жердью. Вдобавок на него обрушился град камней.

Брат плотника так трахнул медведя увесистой дубиной по черепу, что тот и света невзвидел. В отчаянии он встал на дыбы и двинулся на женщин. Те завизжали, шарахнулись назад, и некоторые из них угодили прямо в реку. А место там было глубокое.

– Люди, смотрите! Моя кухарка тонет! – в ужасе закричал священник. – Мужчины, спасайте! В награду поставлю две бочки пива!

Оставив медведя, крестьяне бросились в воду и, слава богу, вытащили всех пятерых женщин.

Бросился в реку и Браун. Он решил, что лучше ему утопиться, чем терпеть эти позорные побои. Браун никогда раньше не плавал и решил, что сразу же пойдет ко дну. Однако он неожиданно почувствовал, что плывет, что течение уносит его все дальше.

Крестьяне закричали:

– Мы его упустили! Нас же все засмеют!..

Но, осмотрев колоду, из которой вырвался Браун, они повеселели:

– Ха-ха-ха! Ты еще вернешься, косматый! В залог ты оставил нам свои уши!

А Браун плыл все дальше по течению и, когда отплыл далеко, кое-как выполз на отмель. Ни один зверь никогда еще не был так жалок. Он не надеялся дожить и до утра.

– О Рейнеке!.. – стонал он. – О лживый, коварный предатель!..

И, вспоминая побои мужиков, он снова и снова проклинал коварного лиса.

Между тем Рейнеке, угостив кума-медведя таким чудесным медом, сбегал в одно местечко, цапнул там курочку, быстро уплел ее на ходу и бежал теперь по бережку, временами останавливаясь и лакая воду.

«Как хорошо, что я отправил на тот свет этого остолопа медведя! – думал он, уверенный, что плотник отлично угостил Брауна топором. – Медведь всегда не любил меня. Что ж, теперь мы поквитались, наконец-то я избавлюсь от его ябед и пакостей!»

Тут Рейнеке повернул голову и увидел неподалеку лежащего Брауна. Ох и досада взяла лиса: «Он жив, косолапый! Эх, Рюстефиль, Рюстефиль! Да ты просто олух! Ты отказался от такого жирного и вкусного блюда! Люди поважнее тебя и те мечтают полакомиться медвежатиной».

– Дружище, какими судьбами?! – обратился он к медведю. – Вы ничего не забыли у плотника? Я бы охотно сообщил ему, где вы находитесь! А как понравился вам мед и сполна ли вы за него расплатились? Что ж вы молчите? Ой, да вы, кажется, лишились своего чубика и обеих перчаток! Или вы готовитесь стать монахом и негодный цирюльник выбрил вам макушку³, а заодно и уши отхватил?

Браун молча терпел эти злые насмешки. Наконец, чтобы не слышать больше наглого лиса, он снова бросился в воду. Отплыв подальше по течению, он вылез на пологий берег и тут же упал почти без сознания.

– Неужели не суждено мне вернуться ко двору короля? – жалобно скулил он. – Неужели я должен погибнуть здесь, опозоренный подлым Рейнеке? Только бы мне выжить, уж ты, негодяй, попомнишь меня!

Кое-как он все же поднялся на ноги и целых четверо суток добирался до королевского дворца. Увидев его в таком плачевном виде, король Нобель пришел в ужас.

– Боже! – воскликнул он. – Вы ли это, Браун? Кто же это вас так изуродовал?!

И Браун грустно ответил:

– Это все наглый преступник Рейнеке. Это он меня предал, опозорил, подверг неслыханным побоям и издевательствам.

Король был вне себя от гнева.

– Ну, за такое злодейство я с ним расправлюсь беспощадно! – сказал он. – Рейнеке посмел опозорить столь уважаемого вельможу, как Браун! Клянусь честью своей и короной, что лис не останется безнаказанным!

Король тут же созвал совет, чтобы назначить злодею справедливую кару. Советники, однако, решили, что нужно вызвать Рейнеке еще раз, пусть он лично даст объяснения на все жалобы, и предложили послать за ним кота Гинце. Король одобрил их выбор.

³ Католические монахи и священники вырывали себе на темени кружок, так называемую тонзүру, как знак принадлежности к духовенству.

– Оправдайте наше доверие, – напутствовал он Гинце, – и скажите этому плуту, что если он вообразил, что я буду в третий раз за ним посылать, то плохо придется не только ему, но и всем его ближним...

Кот Гинце попробовал отказаться:

– Ваше величество! Я исполню все, что вы прикажете, но, право же, лучше послать кого-нибудь другого: я так мал и слабосилен. Браун, великан и силач, и тот ничего не успел. Как же справлюсь я? Простите меня, государь, но увольте от этой чести...

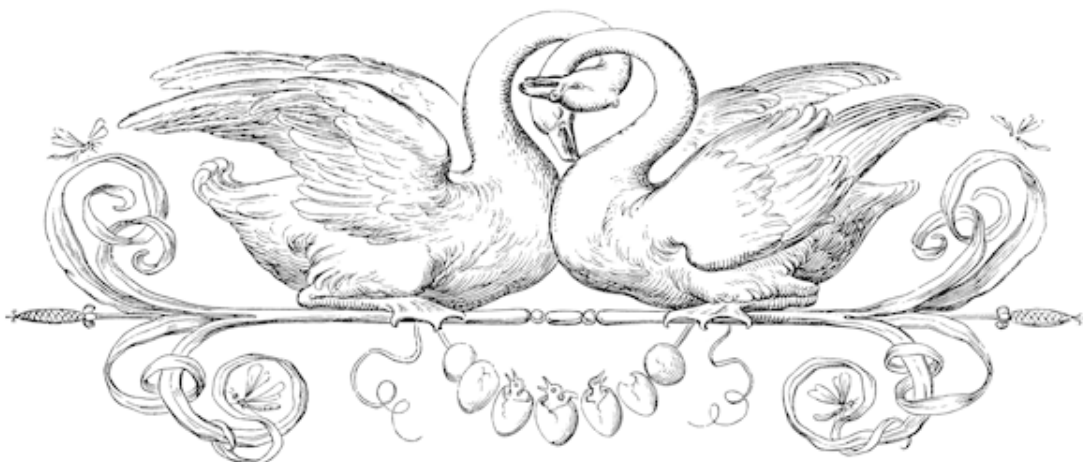
– Нет, – ответил король, – ты меня не убедишь. Часто бывает, что тот, кто с виду мал и незначителен, более сметлив и мудр, чем тот, кто и ростом велик и держит себя важной персоной. Ты, правда, не из великанов, зато образован, умен и находчив.

Кот поклонился и сказал:

– Воля короля для меня закон. Я согласен.

Песнь третья

Когда кот Гинце подошел к Малепартусу, он застал Рейнеке сидящим около своего замка.

– Добрый вечер! – поклонился ему кот. – Знайте, что король грозит вам смертью, если вы снова не явитесь на суд. Пострадаете не только вы, но и все ваши родные и близкие.

– Здравствуйте! – любезно ответил ему рыжий лицемер. – Привет вам, мой дорогой племянник! Дай вам Бог всего, что я вам желаю!

А сам он тем временем уже ломал себе голову, как бы ему и этого королевского посла спровадить.

– Чем бы, мой милый племянник, – продолжал он ласково, хотя кот и не доводился ему родней, – чем бы мне угостить вас? На сытый желудок спится лучше. А утром мы вместе пойдем ко двору. Из всех моих родственников я верю только вам одному. Этот обжора медведь чересчур нахален. Он силен и свиреп, и с ним я ни за что не пошел бы. А с вами я пойду охотно.

Гинце попытался уговорить лиса двинуться в путь, не дожидаясь утра.

– Сегодня, – сказал он, – ночь лунная, в степи светло, дорога суха и спокойна.

Однако Рейнеке возразил:

– И все-таки путешествовать ночью небезопасно.

– А если бы, дядя, я остался, – спросил тогда Гинце, – чем бы вы меня угостили?

– Мы сами едим что придется, – ответил лис. – Но если вы останетесь, я угощу вас самым лучшим медом.

– Медом?! – обиженно пробурчал Гинце. – Да я его сроду не ел! Если у вас нет ничего получше, дайте мне хотя бы мышку.

– Что?! Вы любите мышей?! – воскликнул Рейнеке. – Прекрасно! Уж этим-то я вас накормлю! По соседству живет сельский поп. У него в амбаре не счесть мышей! Хоть возом их вывози!

Тут Гинце и брякни:

– Отведите меня туда! Прошу вас! Ничего так не люблю, как мышатину!

Рейнеке даже подпрыгнул от радости:

– Ну, значит, у вас будет великолепный ужин! Не будем задерживаться. Скорее!

Отправились. Пришли они к амбару, стали под глинобитной стеной. Накануне лис про-
рыл в ней лазейку и выкрал у священника лучшего петуха.

Поповский сынок Мартынчик решил ему отомстить. Он искусно приладил у лазейки
петлю, надеясь, что вор придет вторично и попадетс в ловушку.

Рейнеке, однако, о том проведал и говорит коту:

– Милый племянник, лезьте прямо в дыру, а я останусь здесь караулить, пока вы будете охотиться. Мышей вы нагребете целую кучу. Слышите, как они задорно пищат? Полакомьтесь вдоволь свежей мышатиной и вылезайте обратно. А раненько утром отправимся вместе ко двору короля.

– Значит, – спросил Гинце, – я могу лезть без всякой опаски? Ведь и от священника, хотя он и слугитель Бога, можно ожидать всяких неприятностей...

– Кто бы вас заподозрил в трусости? – перебил его Рейнеке. – Тогда вернемся лучше ко мне. Моя жена накормит вас чем-нибудь, но мышей, конечно, не будет.

Коту стало стыдно, что лис считает его трусом. Он смело кинулся в дыру – и угодил в петлю. Так Рейнеке-лис угощал своих доверчивых гостей.

Как только Гинце почувствовал прикосновение веревки, он в ужасе шарахнулся назад, отчего петля на его шее сразу же затянулась. Он жалобно звал на помощь Рейнеке, а тот просунул морду в дыру и издевался над несчастным:

– Гинце, ну, как мыши? Вкусны или не очень? Если б Мартыничек узнал, что вы уплетаете его дичь, он принес бы вам горчицы.

Что вы так громко мяукаете? Разве при королевском дворе это принято – петь за столом? Жаль, что в такую ловушку не попался волк Изегрим, он заплатил бы мне за все мои обиды!

С этими словами плут удалился, а Гинце продолжал вопить изо всей мочи. Его крики слышал поповский сынок Мартыничек и вскочил с кровати.

– Ага! Попался воришка! – воскликнул он вне себя от радости. – Заплатит он за петуха!

Мартыничек живо зажег свечу, разбудил отца и мать и растормошил всю прислугу.

– Вставайте! – кричал он. – Лисица попалась! Теперь мы ей покажем!

Все бросились в амбар вслед за кухаркой Юттой, которая несла подсвечник с двумя свечами. Мартыничек схватил здоровенную палку и стал расправляться с котом. Он немилосердно бил несчастного и выбил ему глаз. Остальные старались не меньше. Папенька-поп уже собирался вонзить в Гинце вилы, но кот, чуя свою смерть, бешено прыгнул на священника и опасно изранил его, жестоко отомстив за свой выбитый глаз. Священник заорал и упал без сознания. Его подняли, унесли и уложили в постель, а про Гинце совсем забыли. Тяжело избитый, он остался в петле и, охваченный жаждой жизни, торопливо грыз веревку.

И вот – о радость! – веревка лопнула. Гинце шмыг в дыру и пустился бежать из этого проклятого места.

Наутро он прибыл ко двору короля. Ну и ругал же он себя... «Попутал меня дьявол поверить хитрому предателю Рейнеке! Вот в каком виде возвращаюсь я к королю: искалеченный, с выбитым глазом, на позор перед всем королевским двором!..»

Когда король узнал, как поступил Рейнеке со вторым его послом, он страшно разгневался и повелел немедленно созвать всех своих мудрецов-советников.

– Как нам привлечь, наконец, этого злодея к ответу? – задал он им вопрос.

Тут снова посыпались жалобы на Рейнеке, и снова выступил в его защиту барсук Гримбарт. Он доказывал, что по закону требуется вызвать обвиняемого в третий раз и если он снова не явится, то уж тогда можно осудить его заочно.

– Боюсь, что никто теперь не отважится доставить новую повестку такому отъявленному вероломцу, – возразил ему король. – Ни у кого нет лишнего глаза, никто не захочет остаться калекой, а может быть, и лишиться жизни из-за подлого преступника. Да и можно ли быть уверенным, что негодяй все-таки явится?

– Государь, – подал голос барсук, – предоставьте эту честь мне. Уверю вас, что я с поручением справлюсь.

– Хорошо, – согласился король. – Но только будьте рассудительны. Помните, что это очень опасная личность.

– Что ж, я рискну, – сказал барсук Гримбарт и отправился в Малепартус.

Рейнеке с женой и с детьми он застал дома.

– Здравствуйте, дядюшка Рейнеке! – сказал он с поклоном. – Простите, но вы нас всех удивляете. Как это вы, такой ученый, опытный и мудрый, могли не исполнить королевский указ? Пора вам одуматься. Со всех сторон доходят о вас прескверные слухи, со всех сторон сыплются жалобы. Вот мой совет: спешите ко двору. Если и в третий раз вы не явитесь, король пошлет войска, ваш замок обложат. Вам и вашему семейству будет грозить гибель. Давайте-ка лучше отправимся вместе к королю. Вы достаточно хитры и на суде вывернетесь. Не раз уже судились за более серьезные проступки, и все-таки вам всегда удавалось отвести судьям глаза и осрамить своих врагов.

– Дельный совет! – воскликнул Рейнеке. – Мне действительно следует явиться ко двору и лично защищать себя на суде. Король, надеюсь, будет милостив ко мне. Он отлично знает, как я ему полезен, и понимает, что именно за это меня и ненавидят. Ведь все его придворные в делах ничего не смыслят – ни бе ни ме, и там, где нужен совет поумнее, выручать приходится мне. Вот они и завидуют... Меня тревожит только, что самые злые из моих врагов как раз и состоят в королевских любимчиках. Их там больше десятка, а я один. И все-таки мне лучше добровольно явиться к королю, чем подвергать жену и детишек такой опасности. Король, разумеется, сильнее меня, но, быть может, мне еще удастся как-нибудь поладить с моими недругами...

Тут он обратился к жене:

– Береги детей, Эрмелина! Особенно нашего младшенького, нашего любимца Росселя. Малыш весь в меня – у него чудесные зубки! Да и старшего, плутишку Рейнгарта, я люблю не меньше. Можешь без меня побаловать деток. Бог даст, я скоро вернусь и тогда уж порадую тебя хорошим подарком...

И он ушел в сопровождении Гримбарта.

Не прошло и часа, как Рейнеке обратился к своему спутнику:

– Милый племянник, дорогой мой друг! Вы – священнослужитель, лицо духовное. Признаюсь вам, мне все-таки страшновато предстать перед нашим государем. Что ни говори, а совесть у меня не совсем чиста. Если я исповедуюсь перед вами во всех своих грехах, мне станет легче. Так вот слушайте.

Прости меня Господь и Пресвятая Дева Мария, – начал Рейнеке каяться на церковной латыни, как это положено у католиков, – что я вредил выдре, коту и всем другим, в чем теперь признаюсь, и готов принять любое наказание...

Но барсук перебил его:

– Бросьте вы свою латынь и говорите по-нашему – понятнее будет!

– Хорошо, – кротко ответил ему лис. – Признаюсь, что я виноват перед всеми зверями и птицами.

Тут он рассказал, как недавно защемил в колоде медведя Брауна и как тот был избит; как он завлек в ловушку кота Гинце и как тот потерял один глаз. Признался Рейнеке и в том, что петух Геннинг сказал правду: он, Рейнеке, действительно хватал его детей и съедал их с большим аппетитом.

– Мало того, – продолжал лис, – я даже самому королю и королеве сделал много пакостей. Не говоря уже о том, как я издевался всегда над волком Изегримом, которого в насмешку называл дядей, хотя никакой он мне не дядя, а я ему не племянник! Несколько лет тому назад, когда я жил в монастыре в Элькмаре, он пришел ко мне и попросил помочь ему стать монахом. «Это занятие, – сказал он, – очень мне нравится». Я заметил, что первым делом он должен научиться звонить в колокола, и привязал его передние лапы к колокольной веревке. Звон ему очень понравился, и он стал трезвонить, как буйнопомешанный. Услыхав этот безумный набат, люди сбежались толпами. И не успел волк им объяснить, что он собирается стать монахом, как был избит до полусмерти. Однако этот дурень не отказался от своего намерения. Он попросил меня, чтобы я выбрил ему макушку, как у всех монахов. Я посоветовал Изегриму выжечь себе волосы на макушке раскаленным железом. Он послушался. И можете себе представить, как вздулась и сморщилась от ожога кожа на его глупой голове!..

Как-то мы с ним бродили в Юлийских горах и забрались во двор к одному богатому попу. У него в амбаре хранились роскошные свиные окорока и длинные бруски свежего нежного сала. Изегрим проскреб в толстой стене лазейку и довольно свободно в нее пролез. Он там так нажрался, что брюхо его раздулось, как бочка. Собрался он уходить – не тут-то было! Дыра не пропускает его обратно. Как он ругался!..

«Ах ты подлая обманщица (так он называл дыру)! Когда я был голоден, ты меня пропустила, а теперь, когда я наелся, не пускаешь!..»

Я между тем ворвался в дом к попу, который преспокойно сидел за обедом. Перед ним стояло блюдо с еще горячим жареным петухом. Я схватил петуха и выскочил за дверь.

Поп закричал не своим голосом, кинулся было за мной, да зацепился за стул и опрокинул стол со всей снедью, что была на нем.

«Бегите, ловите, колите!..» – завопил он, но тут же поскользнулся в луже супа и шлепнулся в нее.

На крик сбежались люди, а поп продолжал орать как полоумный:

«Что за наглый вор! Стащил жаркое! Прямо со стола!..»

Разъяренные люди кинулись за мной в погоню. Я мчусь впереди, добегаю уже до амбара и роняю петуха: мне стало не под силу его держать – был слишком тяжел. Толпа потеряла меня из виду, но, увы, какую добычу я потерял!

Подоспевший поп, поднимая петуха с земли, заметил в амбаре волка.

«Люди! Сюда! Не зевайте! Еще один грабитель попался нам в руки! – кричал священник. – Если он улизнет, мы станем посмешищем для всего нашего края!..»

Тут на волка посыпался град ударов, пока несчастный не потерял сознание и не рухнул на землю. За всю свою жизнь этот неудачник не терпел таких побоев. Ну и картина была бы, если бы какой-нибудь художник изобразил, как растяпа Изегрим уплатил священнику за ветчину и за сало!

Крестьяне вытащили его из амбара и, считая подохшим, выбросили на свалку. Сколько времени он там провалялся, как пришел в себя и как ему удалось выбраться оттуда, не знаю.

И все-таки даже потом, спустя год, волк клялся мне в своей вечной дружбе. Эта вечная дружба продолжалась, правда, недолго. А зачем она ему понадобилась, не трудно было смекнуть: он мечтал хоть раз в жизни поест вволю свежей курятинки. А я, чтобы позлее над ним наглумиться, взялся проводить его на один чердак. «Средняя балка, – сказал я ему, – служит насестом петуху и семи жирным курам».

Ночью вышли мы, идем. Чуть пробило полночь – пришли. Я знал, что окно чердака закрывается ставнем. Днем его поднимали и подпирали легкой планкой, а на ночь планку отставляли, и ставень опускался. Но я знал, что в этот час ставень был еще поднят.

Я притворился, что влезаю первым, но тут же отстранился, якобы из вежливости пропуская дядюшку волка вперед.

«Смелее! – сказал я. – Если хотите хорошей добычи, не зевайте! Куры здесь откормленные!»

Волк осторожно влез на балку, пошарил по сторонам и раздраженно проворчал:

«Вы меня привели не туда! Здесь и перышка куриного не найти!»

А я отвечаю:

«Тех кур, что сидели поближе, я уже успел похватать. Остальные садятся подальше от окна. Будьте спокойны и потихоньку, полегоньку двигайтесь дальше...»

Пропустив Изегрима, я незаметно пятился назад, к окну. Выскочив наружу, я дернул подпорку – ставень с шумом захлопнулся, а волк так затрясся от испуга, что грохнулся с узкой балки на пол.

Во дворе горел костер, вокруг которого, подремывая, сидели люди. От шума они проснулись.

«Что это там упало в окно чердака?» – закричали они в испуге, засветили фонарь и бросились на чердак. Обнаружив забившегося в угол волка, они стали его беспощадно дубасить. Как только жив он остался после такого щедрого угощения!

Признаюсь вам также, – продолжал лис, – что и волчице Гирмунде я сделал немало гадостей. Хватит ей позора на всю жизнь!

Теперь, племянник, я открыл вам все, что только могла припомнить моя совесть, что тяготило мою душу. Дайте же мне, служитель Бога, отпущение грехов! Я готов принять самое строгое наказание...

Барсук Гримбарт знал толк в церковных делах. Сорвав по пути прутик, он передал его лису и сказал:

– Этим прутиком, дядя, трижды похлещите себя по спине, потом положите прутик на землю, трижды перепрыгните через него и благоговейно трижды его поцелуйте. Тогда я отпущу вам все ваши грехи и во имя Господа Бога прошу вас все, что вы совершили. Но свое исправление, дядя, вам нужно доказать добрыми делами. Ходите в церковь, усердно молитесь, соблюдайте все постные дни, раздавайте щедро милостыню. Поклянитесь отречься от беспутной жизни, грабежа, воровства, предательства, обмана и всяких пакостей. Если вы будете все это выполнять, то заслужите милость Божию.

– Выполню! – воскликнул Рейнеке. – Клянусь вам!

На этом исповедь кончилась, и набожный Гримбарт с грешником Рейнеке продолжали свой путь ко двору короля. Вскоре вдаль показался женский монастырь. Монахини в нем не только служили Богу, но и содержали во дворе множество кур, петухов и индюшек, бегавших в поисках корма и за монастырские стены. Рейнеке частенько сюда наведывался и сейчас предложил барсуку:

– Давайте-ка пойдем лучше вдоль монастырской стены – это самый короткий путь.

Барсук согласился. Но как только они приблизились к курам, рыжий плут набросился на жирненького, молоденького петушка, отставшего от остальных, так что перья взлетели на воздух.

– Вот как, беспутный дядюшка! – возмутился Гримбарт. – Не успели покаяться, как уже снова впадаете во грех? Ничего себе покаяние!

Хитрец Рейнеке кротко ему отвечает:

– Дорогой мой племянник! Я поступил так бессознательно, по привычке. Молитесь за меня Богу – может быть, он по милосердию своему меня простит. Это больше не повторится.

Но пока монастырь не исчез из виду, лис все время оглядывался – не в силах был бороться с соблазном. Казалось, что если бы ему отрубили голову, эта голова сама набросилась бы на добычу – так велика была его жадность.

Гримбарт заметил это и строго спросил:

– Куда это вы опять глазами стреляете, дядюшка? Мерзкий вы и неисправимый чревоугодник!

– Вы придираетесь, сударь мой, – ответил Рейнеке, притворившись обиженным. – Не торопитесь меня осуждать. Я просто читаю молитву. В этом нуждаются души всех кур и гусей, которых я, бывало, так дерзко похищал у монахинь, у этих праведных женщин...

Гримбарт промолчал. Они уже приблизились ко дворцу, и Рейнеке сразу же пал духом: он чувствовал, что на него надвигается страшная гроза обвинений.

Песнь четвертая

Как только при королевском дворе прошел слух, что прибыл Рейнеке, все, от мала до велика, прибежали взглянуть на него. Большинству он успел достаточно насолить, и сочувствовали ему лишь немногие. Однако Рейнеке умел держаться с достоинством. Будто принц, еще ни разу не запятнавший себя недостойным поступком, он гордо и смело прошел с Гримбартом через дворцовую площадь и с таким же гордым видом предстал перед королем Нобелем.

– Милостивейший король, государь мой! – начал он свою речь. – Благородный и великий король, первый среди всех знатных и доблестных! Смею вас уверить, что более преданного слуги, чем я, у вас нет и не было. Именно поэтому меня так травят при вашем дворе. Разумеется, я уже давно лишился бы вашего расположения, если бы вы верили клевете моих врагов.

К счастью, вы любите самолично разбираться в каждом деле и выслушивать не только жалобщиков, но и обвиняемого. И как бы ни оболгали меня за моей спиной, я спокоен: вам известна моя преданность, вам известно, что она единственная причина всех этих интриг...

– Молчать! – грозно оборвал его король. – Краснобайство и лесть вам больше не помогут. Ваши преступления доказаны, и вас ждет заслуженная кара. Разве вы соблюдали мой закон о мире?.. Вот петух Геннинг. Где его дети? Не вы ли, лживый злодей, погубили почти все его потомство! И не тем ли доказывали вы свою преданность мне, что оскорбляли мой королевский сан и калечили моих верных слуг! Несчастный кот Гинце потерял здоровье и лишился глаза, а израненный медведь Браун еще не скоро поправится. Но не к чему читать вам нотации: обвинителей здесь достаточно и столько же доказанных обвинений. Вряд ли на сей раз вам удастся оправдаться.

Рейнеке не растерялся.

– О мой благородный и справедливый король! – произнес он торжественно. – Разве я за все это в ответе? Разве я виноват, что медведь Браун вернулся от меня с ободренным теменем? Разве я виноват, что он решился нахально похитить мед у плотника? И если ему так влетело от грубиянов мужиков, то как он допустил до этого? Где его хваленая богатырская сила? Почему он не мог достойно дать им отпор, защитить свою честь?

А кот Гинце? Я ли не принял его с почетом? Я ли не угощал его всем, что бог послал? Но, не слушаясь моих уговоров, он влез ночью в поповский амбар, где его постигли кое-какие

неприятности. Так неужели я должен отвечать за глупое поведение кота и медведя?! Такая несправедливость могла бы унижить ваше королевское достоинство. Впрочем, мой государь, вы вправе поступить со мной, как вам будет угодно: помилуйте меня или казните – на все ваша высочайшая воля. Сварят меня или изжарят, ослепят или повесят – пусть будет, что будет! Все мы в вашей власти. Не знаю, какую пользу принесет вам моя смерть, но так или иначе, я, как видите, явился на суд!..

Баран Бэллин напомнил, что пора начинать судебное заседание. Окруженный своей родней, подошел волк Изегрим, медведь Браун и множество других зверей: осел Болдевин, заяц Лямпе, дог по имени Рин и бойкий песик Пустолайчик. Вместе с козочкой Метке пришел козел Герман. Явились белка, ласка и горноста́й, а также бык и лошадь. Пришли и лесные жители: серна, бобр, куница, олень, кролик и дикий кабан. Все, конечно, норовили пробраться вперед. Слетелись и птицы: аист Бартольд, журавль Лютке, сойка Маркат. Приковыляли уточка Тибле и гусыня Альгейд. Прибыло и множество других потерпевших от разбойника Рейнеке. Безутешный петух Геннинг с остатком семейства все еще плакал и охал.

Счета не было разным жалобщикам – четвероногим и пернатым. Каждый хотел уличить лиса и поведать судьям о его преступлениях. И каждый мечтал увидеть законное возмездие преступнику.

Всё новые и новые обвинения сыпались на Рейнеке. Лис, однако, защищался весьма искусно. Стоило ему раскрыть рот, как на слушателей изливался красноречивый поток оправданий и хитрой лжи, так похожей на правду. Он умел что угодно опровергнуть и что угодно доказать. Все вокруг только диву давались: ведь хорошо знали, что он виноват, а получалось наоборот – будто он сам вправе обвинять других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.